

мысль въ то же время дѣйствующее лицо и зритель, но и въ исторіи каждаго мыслителя, каждаго пытливаго ума челоѣка видѣть драму, въ которой разумъ борется самъ съ собой; божественная сила, развязывающая узелъ, исходить не съ небесъ, а возникаетъ изъ глубины мышленія, питаемаго научными изслѣдованіями, исторіей и жизненнымъ опытомъ. Въ XIX-мъ в. преобладающая борьба — борьба изъ-за идей, и перевороты являются только конкретными результатами этихъ идей. Въ подобной борьбѣ пробуждается всякая индивидуальность. По словамъ того же Сицилиани, на воспитаніи лежитъ высокая миссія сдѣлать челоѣка „его собственнымъ царемъ и священнослужителемъ“; но этотъ трудно-достижимый идеаль возлагаетъ на личность ту отвѣтственность и подвергаетъ ее тѣмъ нравственнымъ колебаніямъ, которыхъ не знали предыдущія поколѣнія, бросая руль вѣковыхъ традицій, признавая только критеріумъ собственнаго разума; личности приходится бороться съ бурями въ величавомъ, но тяжеломъ одиночествѣ; руководящей силой остается только „неясное стремленіе, таящееся въ глубинѣ души“, которое указываетъ ему путь къ добру.

На основаніи чрезмѣрной субъективности встрѣчаемъ въ XIX-мъ в. цѣлый рядъ типовъ, чуждыхъ прежнимъ вѣкамъ; если нѣкоторые изъ нихъ и возникли въ концѣ XVIII вѣка, времени сильнаго броженія и умственной подготовки, то XIX-й вѣкъ пріютилъ ихъ, далъ имъ права гражданства и полный расцвѣтъ. Это не только вѣкъ героевъ мысли и борцовъ за идею; вѣкъ, въ которомъ личность громко заявила о себѣ, породилъ и массу характеровъ неудовлетворенныхъ, стремящихся къ такому строю общественной или личной жизни, который лежитъ за чертой ихъ могущества; натуръ „загадочныхъ“, страдающихъ недугомъ вѣка: неясными, но страстными стремленіями въ неизвѣданныя дали, — натуръ, къ которымъ примѣнимы слова Мефистофеля о Фаустѣ:

Всегда куда-то въ даль стремится,
Всегда въ желанья погружень,
То съ неба звѣздъ желаетъ онъ,
То хочетъ счастьемъ насладиться;..

наконецъ разочарованныхъ и больныхъ душъ, которыхъ раздражала несоотвѣтствующая ихъ внутреннему міру дѣйствительность, и силы которыхъ, не находя исхода, подтачиваютъ сами себя въ болѣзненномъ самосозерцаніи.

Эти типы, составлявшіе богатую категорію въ началѣ вѣка, не совсѣмъ вымершіе и до сихъ поръ, не умѣютъ приноровиться къ жизни или вслѣдствіе неспособности отвѣчать на многосто-